

ОРИЕНТАЛИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ВОСТОЧНЫХ РЕАЛИЙ»)*

Аннотация: В статье рассматриваются роль и функции, которые выполняют в текстах, созданных английскими авторами конца XIX – первой половины XX столетия (А. Конан Дойлем, У. Коллинзом, У. Теккереем, Р. Киплингом и др.), так называемые «ориентализмы» – реалии, отражающие жизнь и быт ряда стран и народов Азии и Африки, многие из которых входили в названный период в состав Британской империи. Предлагается классификация указанных текстов по данному признаку и анализируются проблемы, связанные с их передачей на русский язык.

Ключевые слова: ориентализм, перевод, литература, межкультурные восточные реалии.

Как известно, термин «ориентализм» имеет весьма различное содержание – от искусствоведческого (использование тех или иных восточных мотивов и сюжетов или элементов восточного быта представителями другой – чаще всего европейской культуры) до философски-политического (взгляд на восточную культуру с позиций европейской [Саид Э.В., 2006]). Однако в собственно лингвистическом и переводоведческом планах его обычно трактуют как применение тех или иных «восточных реалий» в рамках соответствующего текста и их адекватное воспроизведение в процессе перевода. При этом, естественно, приходится учитывать ряд моментов. Во-первых, само понятие «Восток» в данном случае достаточно условно – им оказывается и исламский мир, в свою очередь, разделённый в языковом отношении (арабоязычный, тюркский и т.д.), и Индия с её многочисленными языками и культурами, и Китай, и Япония... Естественно, что в качестве объединяющего признака с интересующей нас точки зрения здесь выступает, если можно так выразиться, функционально-стилистическая составляющая, которую можно определить как «алиенизацию» и (или) «экзотизацию» исходного текста.

Во-вторых, говоря об ориентализмах (resp. «восточных реалиях»), обязательно следует принимать во внимание, идёт ли речь о текстах, созданных в рамках соответствующей культуры (арабской, индийской, китайской и т.д.) и на первичном для последней языке, или же они введены на правах экзотизмов в произведение, созданное на другом языке и (или) представляющее другую культуру (индийские – у Р. Киплинга, кавказские – у Л.Н. Толстого и т.д.). В первом случае в собственно лингвистическом плане вряд ли можно говорить о «выделении» последних на фоне остального текста, поскольку «по частоте употребления, по роли в языке, по общезначимости содержания или по своему бытовому характеру слова, служащие названием таких реалий, не имеют терминологической окраски; они не контрастируют даже с самым «обыденным» контекстом в подлиннике, не выделяются в нём стилистически, являясь привычными для языка подлинника...» [Фёдоров А.В., 1983, 146]. Иными словами, как для автора, так и для читательской аудитории, на которую данный текст ориентирован, они представляют собой часть словарного фонда исходного языка, «входят в круг общих для писателя и читателя фоновых знаний» [Влахов С., Флорин С., 1986, 90], и вопрос об их адекватном восприятии и передаче, естественно, относится к компетен-

* © Пугина Е.Ю.

ции специалиста, работающего с соответствующей парой языков. Здесь, разумеется, возникают свои сложности, порой весьма значительные. Не случайно А.В. Фёдоров завершает приведённую выше цитату словами о том, что такого рода лексические единицы «именно поэтому составляют особую сложность при переводе» [8, 146], а по замечанию С. Влахова и С. Флорина, «нередко именно эти, наиболее понятные читателю оригинала реалии и доставляют самые крупные неприятности переводчику» [3, 90]. Однако очевидно, что с позиций первичной культуры наличие их в тексте отнюдь не придаёт последнему какого-либо налёта «экзотичности».

Во втором же случае дело обстоит противоположным образом – уже при создании подлинника такого рода лексические единицы используются именно для того, чтобы подчеркнуть экзотический с точки зрения *своего* читателя характер описываемой в тексте действительности и тем самым придать ему отмеченный выше экзотический (алиенизирующий) характер, сохраняя, однако, возможность ознакомления с ним без особых затруднений и читателю, не знакомому (или минимально знакомому) с соответствующей действительностью и культурой. Именно так обстоит дело с различного рода лексемами индийского происхождения в английском тексте, заимствований из кавказских языков – в русском и т.д.

Возможен, однако, и третий случай – когда текст, созданный представителем данной этнокультурной общности и отражающий особенности жизни и быта последней, в силу причин различного характера создаётся на языке другой культуры (или культур), порой достаточно далёких от исходной (англоязычные произведения Р. Нарайана, русскоязычные – Ч. Айтматова и т.д.). Здесь в лингвистическом отношении ориентализмы изначально представляются «чужими реалиями», но с точки зрения культурной и языковой принадлежности автора исходного текста (как правило, билингва) они уже будут «своими». Однако в собственно переводческом аспекте (в отличие от лингвокультурологического) при межъязыковой передаче текстов второй и третьей группы не всегда можно провести достаточно чёткие границы, что позволяет в ряде рассматривать их вместе.

Поскольку теоретиками перевода неоднократно подчёркивался тот факт, что «переводчики избирают разные способы перевода реалий в зависимости от того, насколько значительную функцию выполняет тот или иной знак-реалия для поэтики переводимого текста» [Гарбовский Н.К., 2004, 482], постольку представляется целесообразным рассмотреть (естественно, не претендуя на полноту и исчерпывающий характер приводимой ниже предварительной классификации), какую роль могут выполнять ориентализмы в тех или иных художественных текстах, созданных в английской литературе XIX – начала XX столетий (вопрос об их функции в англоязычных произведениях «восточных» авторов, затронутый выше, в данной статье не рассматривается).

Прежде всего, в этой связи необходимо отметить одно, на наш взгляд, немаловажное обстоятельство. Традиционно, комментируя стилистические функции экзотической лексики в исходном тексте, акцентируют внимание, если можно так выразиться, на их номинативной стороне – «слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [Нелюбин Л.А., 2003, 178], и, соответственно, основное внимание – что вполне справедливо – уделяется вопросу о «доведении» до реципиента перевода содержащейся в них «фоновой информации» (ср. имеющуюся в известной работе В.С. Виноградова трактовку реалий именно как «лексических единиц, содержащих фоновую информацию» [Виноградов В.С., 2001, 104]).

Однако, говоря об английской литературе интересующего нас периода, приходится учитывать, что далеко не всегда тексты, содержащие в той или иной степени

«восточные реалии», имеют к «Востоку» непосредственное отношение. Здесь привлекает к себе внимание, в частности, то обстоятельство, что нередко они вводятся в описание «собственно британской» действительности как своего рода контраст с той обстановкой, в которой приходится жить и действовать героям соответствующего произведения. «Ориентализмы» в данном случае часто используются как некий таинственный, иногда зловещий, но вместе с тем манящий европейца своей загадочностью элемент. Хорошей иллюстрацией может служить в этом отношении известный роман А. Конан Дойля «Знак четырёх», сюжет которого составляет погоня за индийскими сокровищами на фоне весьма «неэкзотичного» для современников писателя Лондона конца позапрошлого века. Этот контраст подчёркивается при описании комнаты, расположенной в весьма обыкновенном лондонском доме, где завязывается интрига с поиском исчезнувшего ларца с сокровищами:

We were all astonished by the appearance of the apartment... In that sorry house it looked as out of place as a diamond of the first water in a setting of brass. The richest and glossiest of curtains and tapestries draped the walls, looped back here and there to expose richly mounted painting or Oriental vase. The carpet was of amber and black, so soft and so thick that the foot sank pleasantly into it as into it, as into a bed of moss. Two great tiger-skins thrown athwart it increased the suggestion of Eastern luxury, as did a huge hookah which stood upon a mat in the corner. A lamp in the fashion of a silver dove was hung from an almost invisible golden wire in the centre of the room. As it burned it filled the air with a subtle and aromatic odour.

Порой этот «ориентальный элемент», попав в «старую добрую Англию», зачастую начинает играть уже не просто экзотическую, а прямо-таки мистическую функцию. И если в «Лунном камне» У. Коллинза, при всей неординарности происходящих событий, последние формально не выходят за границы реальности, то в «Тайне Клубера» того же А. Конан Дойля, где связь с Востоком также опосредована преступлением, совершённым одним из персонажей во время войны с индийскими повстанцами, «ориентализм» приобретает уже отчётливую потустороннюю окраску...

Впрочем, «введение» восточных элементов в привычную британскую среду могло выполнять и прямо противоположную – сатирическую функцию, высмеивая расхожие (и как правило, весьма далёкие от реальности) представления многих соотечественников автора о Востоке. Достаточно вспомнить здесь уже «Ярмарку тщеславия» У.М. Теккерея (кстати, родившегося в Индии, но увезённого оттуда в раннем детстве и – в отличие, например, от Р. Киплинга – не связавшего в дальнейшем своё творчество с «ориентальной» тематикой). Повествуя о том, как Ребекка Шарп мечтает заполучить в качестве мужа брата своей школьной подруги, бывшего чиновником колониальной администрации, писатель передаёт её грёзы в следующих словах:

...She had arrayed herself in an infinity of shawls, turbans and diamond necklaces, and had mounted upon an elephant to the sound of the march in *Bluebeard*, in order to pay a visit of ceremony to the Grand Mogul. Charming Alnaschar visions!

Несколько другую роль будут играть ориентальные элементы в таких произведениях, где фоном, на котором развёртывается сюжет, является, если можно так выразиться, «европейский Восток». Речь в данном случае идёт о текстах, действие которых географически действительно связано с «экзотическими» для английской читательской публики территориями (Египет, Двуречье, Индия и др.), но персонажами являются по преимуществу европейцы, прежде всего, сами британцы, составляющие своего рода замкнутое сообщество. Здесь всплывают в памяти многочисленные детективы Агаты Кристи («Смерть на Ниле», «Убийство в Месопотамии» и др.). Ориентальный мир в них образует своеобразную декорацию, представленную, в первую

очередь, памятниками древних цивилизаций: древнеегипетской, ассиро-вавилонской и т. д. Интерес к последним необычайно вырос в первые десятилетия XX столетия, чему способствовали сенсационные археологические открытия, в частности, обнаружение Г. Картером гробницы Тутанхамона (напомним, что и сама писательница принимала участие в раскопках на Востоке вместе со своим первым мужем – археологом по специальности). Появляются здесь, естественно, и представители местного населения, но почти всегда лишь в качестве обслуживающего персонала. Сами же сюжетные перипетии связаны исключительно с относительно небольшой группой европейцев (туристов, членов экспедиции и др.), отнюдь не смешивающийся с «туземным» населением, а традиционная для «королевы детектива» интрига (например, убийство одного из представителей этого общества) также имеет к Востоку весьма отдалённое отношение и могла бы в принципе произойти в любой другой точке земного шара. Естественно, что такого рода «орнаментальные ориентализмы», хотя и представляют собой составную часть стилистической структуры соответствующего текста и, естественно, должны быть переданы при переводе, они будут «чужими» не только с позиции языка оригинала и культуры автора, но и той среды, которая отображена в произведении и, следовательно, требуют при межъязыковой передаче воспроизведения именно этой – «экзотизирующей» функции. Отсюда следует, что какое бы то ни было «приближение» их к вторичной аудитории (скажем, использование таких средств, как применение функционального аналога, гиперонимического перевода и т.п.) будет выглядеть явно неуместным – напротив, такого рода языковая единица должна и во вторичном тексте выглядеть экзотично и даже, возможно, несколько загадочно, олицетворяя собой тот самый «таинственный Восток», отношение к которому у большинства европейцев всегда было достаточно двойственным.

Определённой спецификой в интересующем нас аспекте будет обладать ещё один тип текста, который условно можно определить как «колониальный» (либо «антиколониальный» – в зависимости от мировоззрения автора) жанр. Представлен последний произведениями, персонажи которого также принадлежат к европейской цивилизации, но, в отличие от туристов, путешественников или исследователей, находятся в определённой степени уже «внутри» описываемой обстановки: офицеры колониальной армии, чиновники британской администрации и т.п. К текстам подобного типа можно отнести многие произведения «индийского цикла» Р. Киплинга, ставшего, если не основоположником, то, во всяком случае, наиболее крупным представителем последнего в его сугубо «колониальной» ипостаси – с подчёркиванием «бремени белого человека», ряд рассказов и повестей С. Моэма, написанных уже с иных позиций, но с героями, относящимися к аналогичной социальной среде, и ряд других памятников английской литературы XIX – первой половины XX столетий. Следует отметить, что и здесь Восток показан «извне», поскольку оппозиция «свой» (британский) – «чужой» (туземный) отнюдь не снимается. Но, в отличие от персонажей первого типа, герои относящихся сюда произведений уже включены в местную жизнь, гораздо теснее соприкасаются с её реалиями и, последние, что вполне естественно, представлены в такого рода текстах, как правило, не только обширнее в количественном отношении, но и в своём собственном качестве – как носители фоновой информации. Поэтому основная задача, которая возникает при их межъязыковой передаче, будет уже не только стилистической, но и семантической – доведение этой информации до реципиента перевода. Следует учитывать, что в данном случае возникает ряд сложностей.

Прежде всего, играет роль степень привычности тех или иных реалий для первичной и вторичной аудитории. Индийские или арабские реалии с этой точки, естественно, в целом ближе британскому читателю конца XIX – начала XX столетия,

нежели русскому читателю любой исторической эпохи. Поэтому даже в тех случаях, когда исходный текст содержит какие-то поясняющие моменты, их простое воспроизведение на переводящем языке далеко не всегда даст потребителю перевода адекватное представление о соответствующей реалии. Если же такое пояснение вообще отсутствует (поскольку автор может считать её достаточно известной своему читателю), то возникает опасность уже неверного понимания последней со стороны самого переводчика. Причём о том, насколько сложные проблемы здесь могут возникнуть, достаточно свидетельствует следующий пример. В известной книге К.И. Чуковского «Высокое искусство» отмечается:

«У Михаила Фромана есть такой перевод одного стихотворения Киплинга:

Словно в зареве пожара
Я увидел на заре,
Как прошла богиня Тара,
Вся сияя, по горе, -

Хотя Тара – отнюдь не богиня и даже не женщина, а всего лишь гора Тара Дэви – одна из гималайских вершин» [Чуковский К.И., 2008, 10-11].

На первый взгляд, переводчиком действительно допущена грубая ошибка – смешение ономастической и топонимической реалии. Однако на деле ситуация в данном случае, на наш взгляд, представляется более сложной. Прежде всего, следует иметь в виду, что в высказывании К.И. Чуковского допущена некоторая неточность – Тара действительно является одной из богинь индийского пантеона (напомним, что, само слово *деви* и означает богиню) и занимает в последнем довольно значительное место: «Война богов и асур (демонов – Е.П.) из-за... Тары часто упоминается в индийской литературе эпического и послеэпического периодов как событие глубочайшей древности. В основе мифа лежит астральная символика (само имя Тара означает «Звезда»)» [Темкин Э.Н., Эрман В.Г., 2000, 443-444]. Кстати, посвящённый ей храм в Шимле (Симле) – гималайском городе-курорте, бывшем в колониальную эпоху «летней столицей» Британской Индии – часто рекламируется в качестве одного из туристических достопримечательностей. Учитывая, что в приведённом выше пассаже речь идёт о поэтическом тексте, вполне допускающем приём олицетворения, вряд ли суждение К.И. Чуковского можно безоговорочно признать справедливым...

В определённой степени схожая ситуация возникает и применительно к таким текстам, где наряду с британцами в качестве персонажей будут выступать сами местные жители (примерами могут служить «Ким» Р. Киплинга, «Поездка в Индию» Э.М. Форстера и ряд других произведений английской литературы рассматриваемого периода). Здесь приходится принимать во внимание ещё одно обстоятельство – пытаюсь описывать чужую жизнь изнутри, автор, принадлежащий к другой культуре, может допустить достаточно серьёзные погрешности. В этой связи можно вспомнить, например, замечание С. Флорина о некоторых произведениях русских авторов на болгарскую тему, в которых – при несомненной близости двух славянских народов в языковом и культурном отношении – «есть много такого – в бытовом и историческом плане – чему никакой болгарин не поверит» [Флорин С., 1983, 121].

Говоря же о британской литературе интересующего нас периода, приходится в ряде случаев учитывать ещё один – уже скорее культурно-идеологический момент. Создатели текстов такого типа принадлежали всё-таки к представителям метрополии, и даже при хорошем знании местной жизни часто глядели (и, соответственно, описывали) её через «колониальные очки». Пожалуй, наиболее наглядным примером здесь может служить именно Р. Киплинг. Практически во всех посвящённых ему работах отмечается, что раннее детство будущий писатель провёл на попечении туземных

няnek, благодаря которым он «усвоил хиндустани и местный фольклор, всегда воздействовавший на его воображение» [Kipling R., 1961, I]. Однако вряд ли большинство индийцев признает его произведения верно отражающими жизнь страны соответствующего периода – слишком односторонен порой был взгляд «певца британского колониализма», что также может потребовать от переводчика не только владения соответствующими фоновыми знаниями, но необходимости соответствующим образом довести этот момент до собственной читательской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: 2. 2. Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 324 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода. Учебник. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 544 с.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Русский Мир, 2006. 637 с.
7. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы Древней Индии. М.: Астрель; Астр, 2000. 560 с.
8. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
9. Флорин С. Муки Переводческие. Практика перевода. М.: Высш.шк., 1983. 184 с.
10. Чуковский К.И. Высокое искусство. СПб.: ИД Аквалон. Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 448 с.
11. Kipling R. The Jungle Book. New York, A Signet Classic American Library, 1961. 334 p.

E. Pugina

ORIENTALISMS IN ENGLISH LITERATURE AS A PROBLEM OF INTERLINGUAL REPRESENTATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE SO-CALLED “EASTERN REALITIES”)

Abstract: The article deals with the role and functions of orientalisms (realities reflecting the life of people of the countries of Asia and Africa, many of which were part of the British Empire) which they perform in the texts created by the English writers of the end of 19th century – the first part of the 20th century (Sir A. Conan Doyle, R. Kipling, W. Thackeray and others). The classification of texts is given and problems connected with their translation into Russian is presented.

Key words: orientalism, literature, translation, interlingual orient realities.